

Евгений Карнович

# Неправедное наследство



Евгений  
КАРНОВИЧ

Очерки и рассказы  
из старинного быта  
Польши

*Часть сборника  
Очерки и рассказы из  
старинного быта Польши*



Евгений Петрович Карнович

## **Неправедное наследство** (Очерки и рассказы из старинного быта Польши)

«Прошло несколько времени, и Цехановецкий получил известие о смерти своего отца; огромное родовое наследство, увеличенное ещё более щедростью короля, ожидало его на родине, и Цехановецкий, не теряя времени, поспешил в Витебск. Едва разнеслась там молва о его приезде, как в то же самое время страшная новость дошла до него. Его потребовали в гродской суд, для очных ставок с его матерью, но не Цехановецкою, а с простою женщиною, которая прежде была его кормилицею...»

# **Евгений Петрович Карнович**

## **Неправедное наследство**

Польский король Михаил Вишневецкий в молодости своей, когда он был ещё частным человеком, испытывал нужду, близкую в нищете. Один из витебских помещиков Цехановецкий полюбил молодого князя, и не предвидя его будущей судьбы, помогал ему, как бы он помогал самому близкому своему родственнику. При многих своих слабостях князь Вишневецкий отличался однако благодарностью и поэтому, когда поляки избрали его в короли, то первым его делом было призвать к себе молодого Цехановецкого, сына своего благодетеля, и щедро наградить, как его самого, так и его отца. Король почувствовал в сыну Цехановецкого особое расположение и удержал его при себе в Варшаве.

Прошло несколько времени, и Цехановецкий получил известие о смерти своего отца; огромное родовое наследство, увеличенное ещё более щедростью короля, ожидало его на родине, и Цехановецкий, не теряя времени, поспешил в Витебск. Едва разнеслась там молва о его приезде, как в то же самое время страшная новость дошла до него. Его потребовали в гродской суд, для очных ставок с его

матерью, но не Цехановецкою, а с простою женщиною, которая прежде была его кормилицею.

Женщина эта, за несколько дней до приезда Цехановецкого, явилась в гродской суд и объявила, что у неё есть на душе страшный грех, что молодой Цехановецкий – вовсе не Цехановецкий, но её сын, простой деревенский холоп, что настоящий панич, которого она кормила грудью, умер внезапно на её руках, и что она, думая осчастливить своего сына, тайно закопала в лесу умершего младенца и подменила его своим, что долгое время совесть мучила её, что наконец, для её спокойствия и для избежания божией кары по смерти, один ксёндз велел ей покаяться во всём чистосердечно. Женщина эта привела в доказательство справедливости своих слов такие улики, которые не могли оставить никакого сомнения, что настоящий Цехановецкий умер, и что приехавший под именем его из Варшавы был не кто другой, как самозванец.

Не столько потеря имущества, сколько позор, а главное невозможность жениться на той, которую молодой Цехановецкий полю-

бил всей душой, и которая была уже его невестой, заставили Цехановецкого решиться на ужасное преступление. Между тем родственники Цехановецких, воспользовавшись доносом, требовали для себя, как для ближайших наследников покойного Цехановецкого, всё его имение. Цехановецкий, с помощью другого ксёндза, уговорил свою бывшую мамку, а вместе с тем и настоящую мать, сознаться, что весь донос, ею сделанный, нарочно выдуман ею с целью получить от Цехановецкого значительную сумму. Ксёндз представил матери Цехановецкого все последствия её доноса; он объяснил ей, что и она сама не избегнет наказания за прежнюю вину, и что вместе с тем она разрушит совершенно всё счастье своего сына, для которого в настоящее время переход к ничтожеству будет ужасен, тогда как если бы с самого ребячества она воспитывала его, как крестьянина, то он не мог бы роптать на свою долю и проклинать свою мать.

В свою очередь Цехановецкий убедил мать, что он навсегда обеспечит её, уверил её, что он немедленно поскачет в Варшаву и вы-

просит у короля так называемый железный лист, то есть повеление, которое могло не только останавливать, но и уничтожать во все исполнение смертной казни, а что между тем для истребления всякого подозрения он сделает так, что гродской суд приговорит её к смертной казни, как клеветницу; но что он спасёт её, предъявив железный лист.

Бедная женщина из любви к сыну согласилась и объявила, что всё показанное ею — ложь. Цехановецкий уехал в Варшаву, повторив матери, что он едет за железным листом; дело приняло другой оборот, и суд приговорил клеветницу к смертной казни. Наступил ужасный день; Цехановецкий не приезжал, мать его была выведена на площадь и там обезглавлена; до последней минуты не теряла она бодрости, думая, что явится сын её с королевским помилованием.

Между тем не отказ короля в просьбе своего любимца и не какие-нибудь особенные обстоятельства не позволили Цехановецкому приехать вовремя в Витебск для спасения своей матери от смертной казни. Не спас он её вследствие холодного расчёта, что она, по

слабости своего характера, может снова навлечь на него беду, от которой уже не так легко будет ему избавиться. Он ни слова не сказал королю о помиловании виновной, а напротив требовал её казни, называя её орудием своих корыстных родственников, желавших воспользоваться его богатством. По стечению обстоятельств, в тот самый день, когда обезглавленный труп матери Цехановецкого лежал на городской площади, в Варшаве была великолепная свадьба Цехановецкого, удостоенная присутствием короля, который за несколько дней пред этим дал своему любимцу звание старобы оршанского.

Дни проходили за днями, счастье благоприятствовало Цехановецкому во всём; милости, отличия, награды сыпались на него беспреестанно, он был отцом шестерых детей, которым предстояла самая блестящая будущность. Все завидовали Цехановецкому, ничто, по-видимому, не смущало его спокойствия; но что происходило в душе грешника – это известно одному Богу.

Выросли дети Цехановецкого, поседел он, умерла и жена его: но он был бодр и весел.

Вдруг однажды он собрал к себе в комнату всех детей и запер за ними дверь.

– Послушайте, дети, – сказал он, – вы ни в чём не виноваты, но знайте, что вы носите имя, которое не принадлежит вам, и будете после моей смерти владеть богатствами, на которые ни я, ни вы не имеем никакого права, и которые приобретены страшным грехом.

Дети с изумлением взглянули на отца, а потом друг на друга.

– Вы дивитесь, друзья мои, что я говорю вам такие речи, но выслушайте мою исповедь.

Тогда староста оршанский покался перед своими детьми в том, что он для удержания за собою чужого имени и чужих богатств пролил под мечем палача кровь своей матери.

– Я иду в монастырь, – добавил Цехановецкий, – и если вы хотите искупить хотя немного ужасный грех вашего отца, то сделайте то же. Всё моё имение я отдаю тем, кому оно должно принадлежать по праву.

Дети согласились обречь себя вечным молитвам за преступление отца и удалились

вместе с ним в монастырь св. Эразма, и там, после смерти старика Цехановецкого, дожившего в постоянных терзаниях совести до самых преклонных лет, и после смерти шестерых его сыновей, пресеклась ложная фамилия Цехановецких, а настоящие обладатели этого имени, прежде обедневшие, получили всё то, что у них было отнято.